

Вячеслав Власов

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Поклонник и исследователь творчества Рихарда Вагнера, член Общества Рихарда Вагнера в Великобритании. Член Российского союза писателей, финалист премии «Писатель года» в номинации «Дебют» (2020). Автор рассказов о жизни композитора в Риге, Санкт-Петербурге и Венеции и о постановках его опер в Российской империи, передачи «Петербургская элегия Вагнера» на телеканале «Санкт-Петербург». Соавтор ряда культурных проектов, направленных на популяризацию творчества Рихарда Вагнера.

Грааль и Цензор

(окончание повести, начало в № 2, № 3/2022)

Копье Святое я возвращаю вам!¹

Весь следующий день после премьеры вагнеровского «Парсифаля» в Народном Доме Николая II граф Михаил Алексеевич Толстой, цензор Главного управления по делам печати министерства внутренних дел, чувствовал себя опьяненным: чем бы он ни занялся, в голове звучала мелодия из мистерии. Он пытался ее напеть или наиграть на рояле — ничего не получалось, перечитывал либретто — не хватало музыки. Граф даже подумывал купить билет на завтрашнее представление, да не позволили служебные обязанности.

¹ Слова Парсифаля, обращенные к рыцарям Святого Грааля. В оригинале у Вагнера: «Den heil'gen Speer — ich bring'ihn euch zurück!»

Утро 23 декабря в цензурской конторе началось с прочтения рецензий на премьеру. «Молодое музыкально-историческое общество графа Шереметева может быть довольно тем, что его инициатива успешно осуществилась», — декламировал Михаил своему коллеге Сергею Реброву слова критика из журнала «Искра». «Литургийно звучит грандиозная сказка-мистерия Вагнера "Парсифаль", — сказка, которая только что освободилась от тяжелого Байройтского пленения. Почет и уважение графу Александру Дмитриевичу Шереметеву!» — вторил ему Сергей, перелистывая страницы газеты «Обозрение театров». Друзья не заметили, как в кабинет вошел Сергей Сергеевич Татищев, их руководитель.

— Ну что, господа вагнерианцы, газетными рецензиями балуетесь в служебное время? Нехорошо! Вот послушайте, какой отзыв на спектакль написали лично для министра внутренних дел Маклакова и доставили сегодня со срочной почтой, — Татищев начал читать с листа, и его ироничный тон моментально исчез:

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

До моего сведения из совершенно достоверных источников дошло, что постановка на сцене Народного Дома оперы Вагнера «Парсифаль» крайне смущает религиозное чувство православных зрителей. Особо тяжелое впечатление производит в третьем действии коленопреклоненная молитва, воздеяние рук Парсифаля и благословление им чашею.

— Ваше Превосходительство, — обратился к начальнику Ребров, — кто есть сей неравнодушный цензор, взявшийся за перо, как только отзвучали последние аккорды оперы? Чует мое сердце: это не кто иной, как обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер...

— Не ехидничайте, Ребров. Он самый, причем, по-видимому, очень разозленный тем, что его замечания к тексту либретто были полностью проигнорированы.

— А вот это неправда, Ваше Превосходительство, — парировал Толстой. — Шереметев изменил текст либретто именно так, как просил Синод. Вы же сами благодарили переводчика Коломийцова после премьеры!

— Дослушайте меня, Толстой. Вопрос на самом деле касается не столько текста, сколько самого спектакля. Дайте я дочитаю:

Я указывал на то, чтобы при самой постановке оперы было устранено все, способное смутить религиозное чувство православных зрителей. Ввиду вышеизложенного, прошу Ваше Высокопревосходительство

принять зависящие меры к устранению, при исполнении оперы «Парсифаль» всего, могущего причинить соблазн для верующих, смущенных появлением певца в одежде и облике, напоминающих Христа Спасителя.

— Так и написал — «причинить соблазн»? — спросил Ребров.

И, получив утвердительный ответ, тихо промолвил:

— Очень странная фраза для человека, выражающего претензию. Слово он сам ощутил притяжение к Парсифалю... В любом случае, Сергей Сергеевич, Вагнер никого не заставлял добиваться внешнего сходства Парсифаля со Спасителем. Это задумка режиссера. Было бы в высшей степени несправедливо обвинять в последствиях ее реализации министра и Главное управление по делам печати, ответственных за цензуру исключительно вагнеровского текста. А к нему, как я вижу, у обер-прокурора замечаний и нет...

— Так-то оно так, Сергей Константинович. Вот только кому из нас нужны напряженные отношения со Святейшим Синодом? Поэтому поручаю вам обоим срочное задание. Толстой, немедленно навестите графа Шереметева и обсудите с ним, возможно ли внести в постановку косметические правки, которые внешне выглядели бы как уступка обер-прокурору. А вы, Ребров, сегодня же подготовьте ответ в Синод от имени министра, подчеркивающий наше почтительное отношение к мнению обер-прокурора и готовность добиться выполнения всех его замечаний. Министр подпишет, и я отвезу его Саблеру лично. Все остальные ваши дела требую отложить, иначе не слышать нам больше «Парсифаля» в Российской империи...

— Разве я был неправ? — в сердцах промолвил Ребров, как только начальник вышел из конторы. — Чужало мое сердце...

Михаил Алексеевич молчал, уставившись в потолок и предаваясь собственным мыслям. «Крах нашего "Парсифаля"», — крутилось у него в голове. Обернувшись к другу, Толстой пристально взглянул ему в глаза:

— Кто написал донос обер-прокурору, Сергей?

Он взял со стола оставленные Татищевым листки бумаги:

— Письмо один в один повторяет слова, произнесенные тобой позавчера в доме на Моховой. Неужели это был ты? Зачем?

От удивления брови у Реброва приподнялись, глаза расширились, лицо стало медленно наливать краской. Однако цензор взял себя в руки и, посмеиваясь, произнес:

— Конечно же, это моих рук дело. Посадил я тебя в третьем часу утра в экипаж, вернулся в гостиную, допил любимое шампанское Рихарда Вагнера, развалившись в кресле рядом с его бюстом, и загрузил. Не дал мне Бог в тот вечер достойного собеседника, чтобы обговорить все ню-

ансы премьеры, разве что друга Михаила, неисправимого романтика... Совсем другое дело, подумал я, если бы наш обер-прокурор Владимир Карлович Саблер не обессилил после спектакля, а зашел ко мне обменяться впечатлениями. Он бы меня обязательно понял! И так мне не хватало его общества, что взялся я за перо и, пока не потерял сознание от количества выпитого, изложил для Саблера на бумаге все свои мысли по поводу этой ужасной постановки, а с утра отправил прямо в Синод... Ты, Михаил, совсем рассудка лишился? Как тебе такая ересь в голову могла прийти? А еще заявлял, что по-настоящему узнал меня... Музыка Вагнера по-разному на людей действует, но чтобы так... Первый раз вижу. Уж не ты ли сам написал эту прекрасную рецензию для Саблера и по каким-то причинам желаешь поделиться своими лаврами со мной?

Настала очередь Михаила Алексеевича покраснеть. Он испытывал стыд от того, что усомнился в своем друге, а саркастическая реплика Сергея о неглубоком понимании им, Михаилом, «Парсифаля» уязвила графа. Михаил искренне извинился. Затем, побоявшись, что ослушался, он спросил:

— Если ты меня простил, Сергей, скажи, правильно ли я тебя понял, что обер-прокурор присутствовал на премьере?

— Бог простит! Разве ты не заметил его в Народном Доме? Ты тогда рассуждал о русских «цензурных отцах» мистерии, а я кивком головы указал тебе на Саблера, сидящего в зрительном зале. Да ты, похоже, в эйфории внимания не обратил.

— Что же получается — Владимир Карлович был в тот вечер в театре собственной персоной, и ему не понравилась постановка? Где он сидел, не помнишь?

— Рядом с Маклаковым.

— Наш обер-прокурор — не тот человек, что будет молчать, особенно в компании министра внутренних дел, когда ему что-то не по душе. Саблер бы тотчас же поделился своим возмущением с Маклаковым. Зачем же на следующий день ему понадобилось прикрываться «совершенно достоверными источниками»? Глупость какая-то выходит... Если только Саблер не проникся парсифалевским состраданием и решил прикусить язык в театре, чтобы не портить министру-вагнерианцу праздник...

— Они оба после премьеры находились в прекрасном расположении духа, я сам видел. Но давай предположим, что обер-прокурор все-таки высказал Маклакову свое недовольство. Наш министр мгновенно чувствует угрозу, когда дело касается службы: под вопрос поставлено качество нашей цензуры. И они вдвоем договорились, что Саблер напишет жалобу со ссылкой на анонимный донос, ее передадут министру, а тот

зафиксирует ответ на бумаге: мол, мы здесь ни при чем, весь спрос с Шереметева! Найденное решение устроило обоих — в этом и причина их радостного настроения по окончании спектакля.

— Слишком сложно получается, Сергей, да и слишком мелочно для министра, — возразил Толстой. — Маклаков, конечно, опытен в политических интригах, но он никогда не подставил бы под удар свое ведомство или советника Государя, коим является Шереметев. Давай еще раз перечитаем письмо от Саблера. Вдруг мы что-то упустили?

Друзья погрузились в чтение, декламируя послание обер-прокурора и расставляя в нем акценты. Как только часть с обращенными к министру требованиями была завершена, Ребров с удивлением воскликнул:

— А это еще что такое? Ах вы, мои отцы-кормильцы от цензуры! Спичкой чувствуете только нюансы и полутона казенного языка, что могут стоить вам карьеры! Они затмевают вам сознание, закрывая от вашего взгляда самые обыденные, низменные и подлые черты мира искусства. Вот, Михаил, прочти последний абзац, который упустил Татищев...

Толстой пробежал глазами окончание письма, напоминающее министру о том, что изначально прошение было подано для постановки исключительно на сцене Общества музыкальной драмы. Оно завершилось словами:

Как мне известно со слов Принцессы Елены Георгиевны Альтенбургской, дирекция названного Общества имела твердое намерение устранить при постановке оперы все, могущее вызвать какой-либо соблазн для столь чуткого религиозного чувства верующих людей.

— Значит, «совершенно достоверный источник» — это принцесса Альтенбургская, желающая насолить Шереметеву, конкурирующему при постановке «Парсифаля» с Театром музыкальной драмы и режиссером Лапицким, которых она спонсирует? Ее титул вынудил обер-прокурора изменить собственное мнение о премьерке, которая ему самому понравилась? — спросил Толстой.

— Другого объяснения быть не может. Тем более, что принцесса — внучка Великой княгини Елены Павловны, той самой, что отказала Вагнеру в создании «петербургского Байройта». Она наверняка решила взять реванш за бездумное поведение своей венценосной бабки, — засмеялся Ребров. — Ты с ней знаком лично? Видел ее на премьерке?

— Знаком. На лицо она не красавица, но не приметить строгие, изящные наряды принцессы Елены невозможно. Клянусь, в театре ее не было. Кстати, режиссера Лапицкого я тоже не заметил.

— Вот и сбылось мое очередное пророчество: доносы пришли от людей, в глаза не видевших оперу, но насытившихся слухами, — философски промолвил Ребров. — И раз уж обер-прокурор позволил использовать себя в театральных склоках, Шереметев должен непременно узнать об этом. Ступай к нему, передай наш разговор в подробностях. Граф на особом счету в императорской семье. Я уверен, он найдет правильное решение в сложившейся ситуации. А до того, как ты помчишься к своему вагнеровскому другу, помоги, пожалуйста, запиши снова под мою диктовку — так мне будет проще сосредоточиться на выборе правильных слов. Надо облагоразумить обер-прокурора и отвести от нас возможную опасность.

— А я думал, что мой вагнеровский друг — это ты, — с обидой произнес Михаил Алексеевич.

Он послушно, аккуратным почерком положил на бумагу обращение к Саблеру, сформулированное Сергеем:

Милостивый Государь, Владимир Карлович!

Имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству, что до принципиального разрешения вопроса о постановке на сцене оперы Вагнера «Парсифаль» Вам послан был на просмотр текст этого музыкального произведения, и Вашим Высокопревосходительством были точно указаны те изменения (на страницах 24, 25 и 26 либретто оперы), которые, по мнению Вашему, необходимо произвести в указанном тексте для того, чтобы сделать эту оперу-мистерию возможною для публичного воспроизведения на сцене.

Требования эти были сообщены графу Шереметеву. Кроме того, после первого же спектакля были немедленно сделаны распоряжения об устранении всех подробностей сценической постановки «Парсифаля», которые могли бы послужить соблазном для религиозного чувства православных зрителей, и на которые Вы мне указали.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Николай Маклаков.

— Даже не представляю, дорогой Михаил Алексеевич, удастся ли нам с вами когда-нибудь один на один обсудить другие аспекты вагнеровской мистерии, кроме интересующих духовную цензуру, — с улыбкой промолвил граф Шереметев в зале Народного Дома после окончания репетиции перед вечерним представлением «Парсифаля», вторым за всю историю России. — Сегодня утром звонил министр Маклаков. Рассказал о письме обер-прокурора. Я уже стал побаиваться, состоится

ли сегодняшний спектакль. Но раз вы пришли, значит, мои страхи напрасны, не так ли?

— Дорогой Александр Дмитриевич! Есть опасение, что соперничающий с вами Театр музыкальной драмы очень ревностно относится к вашей постановке и настраивает против нее духовное ведомство. В этой ситуации я очень прошу вас согласиться на небольшие изменения в постановочных решениях. Они позволят еще большему количеству публики напитаться волшебными ощущениями и впечатлениями от этой потрясающей оперы.

Толстой в подробностях рассказал Шереметеву о событиях сегодняшнего утра в Главном управлении по делам печати, включая небольшое «расследование», которое он провел вместе с Ребровым. Выслушав его, граф искренне рассмеялся:

— Потешили вы меня своим «обвинительным заключением», Михаил Алексеевич! Это же надо такое придумать: искупление вагнеровских грехов Великой княгини Елены Павловны! Автор этой идеи наверняка очень неплохо знаком с образом Кундри... Я бы на самом деле расстроился, не пойми обер-прокурор христианской сути «Парсифаля». А если этот уважаемый человек просто покровительствует другим постановщикам — честь ему и хвала. Вагнер должен звучать по всему Петербургу: в разных театрах, с разными режиссерами, труппами и оркестрами! Жалоба дорогих конкурентов — прекрасное свидетельство того, что они нашу постановку признали, и сомневаются в собственных способностях ее превзойти. Пусть стараются, у них еще есть время. Я слышал, что режиссер Лапицкий запланировал премьеру лишь на конец февраля.

Михаилу импонировал позитивный настрой графа. Однако собственный опыт жесткой цензуры театральных спектаклей заставил его настоять на своем: Шереметев не должен игнорировать замечания Святейшего Синода под страхом полного запрета «Парсифаля».

— Хорошо, что вы сказали мне об этом сегодня, — отозвался Шереметев. — Я попробую внести изменения прямо в вечернее представление. Если обер-прокурор перестанет смущаться, когда у Парсифаля вместо приглашенных светлых, длинных волос появится копна растрепанных черных, если хитон у него будет подпоясан, на голове водружена корона, а сам он вместо благословления рыцарей статично водрузит чашу Грааля над головой, а те будут молиться, стоя как истуканы, — пусть так и будет. Тотчас же соберу всю труппу, и мы, по возможности, все исправим. Вы, Михаил Алексеевич, первым улыбнетесь такой перемене, поскольку поймете ее несущественность: «Парсифаль» — это не про внешнее изображение, а про внутреннее восприятие. Но для знакомящихся с Вагнером впервые мы это восприятие усложним...

Толстой поразился, как сильно граф Александр Дмитриевич походил в эти минуты на него самого в момент начала работы над вагнеровским либретто. Какие огромные душевные страдания вызывает усмирение творческого и эстетического порыва и компромисс с цензурой! Михаилу стало стыдно за то, что сейчас лицом этой цензуры выступал он сам.

— Михаил Алексеевич, я рад, что мы хорошо понимаем друг друга, и что у нас общая цель. Вы свою задачу выполнили, благодарю вас, теперь моя очередь. До конца января я дам пять спектаклей в Народном Доме. Их посетит одиннадцать тысяч человек. Если не ошибаюсь, это примерно десять процентов благородного населения Петербурга. Я читал, что доля вагнерианцев в мире составляет пять процентов людей. Надеюсь, мы поставим рекорд! Вдовствующая Императрица Мария Федоровна настояла на переносе спектакля в императорский Эрмитажный театр, чтобы его смогли увидеть Государь, его семья, двор и все сильные мира сего. Произойдет это именно тогда, когда режиссер Лапицкий и его Театр музыкальной драмы представят свою премьеру в Консерватории. Так что мы еще посмотрим, на чью чашу весов склонится мнение обер-прокурора Святейшего Синода!

Шереметев усмехнулся и приказал принести два бокала шампанского прямо в зрительный зал.

Zwischenspiel²

Озаривший мраморные колонны Императорского Эрмитажного театра свет софитов буквально ослепил весь цвет петербургского общества, собравшийся на «закрытую» премьеру мистерии Вагнера «Парсифаль». Спектакль длился уже шестой час, но ни императорская семья, ни депутаты Государственной Думы, ни члены правительства, ни зарубежные послы не проявляли усталости.

Парсифаль в белом хитоне поднял Святую Чашу и, медленно приблизившись к авансцене, остановился в нескольких шагах от кресла Государя. Яркое освещение позволило цензору Реброву, расположившемуся в последнем ряду зрительного зала, рассмотреть грим нового короля Храма Грааля: зачесанные назад серебристые волосы, горбатый нос, ухоженные бакенбарды, крупный, выступающий подбородок, окаймленный седой бородой... «Не может быть: это же самый настоящий Рихард Вагнер!» — шепнул Сергей на ухо сидевшему рядом Миха-

² Интерлюдия, промежуточный эпизод (нем.).

илу Толстому. Тот не ответил, продолжая созерцать окончание оперы с блаженной улыбкой на лице.

Под звуки хора «Тайны высшей чудо» Парсифаль принялся благословлять хрустальной Чашей сначала рыцарей на сцене, а затем — Императора. Когда рыцари пали ниц перед Граалем, Николай II поднялся со своего кресла и медленно преклонил колено.

«Не может, не должно такого быть! Это ведь полностью противоречит Цензурному Уставу!» — возмутился Ребров. Он вскочил со своего кресла и закричал на весь зрительный зал: «Не смей! Всем встать! Немедленно!»

В этот момент Сергей проснулся от кошмара. Состояние его было тревожным, дыхание учащенным, сердце колотилось, а лоб покрылся капельками пота. Постепенно лучи нежного весеннего венецианского солнца, струящиеся из высокого окна отеля «Европа» с видом на базилику Санта-Мария Делла Салюте, успокоили его, и Ребров, уютно расположившись на просторной кровати, принялся размышлять о значении столь странного сна.

Когда министерский врач посоветовал ему провести несколько месяцев в более мягком климате, Сергей, не раздумывая, решил поехать в Венецию. Многие удивились такому странному выбору: в это время года над Гранд Каналом раздувают сильные и мокрые ветры, как и над Невой. Одному лишь Толстому Сергей признался в настоящей причине: он захотел последовать примеру Рихарда Вагнера, много лет назад отправившегося в Венецию подлечить сердце. И поводы были схожи: Вагнер в 1882 году хотел переосмыслить только что состоявшуюся в Байройте премьеру «Парсифаля», а Ребров в наши дни — недавно состоявшуюся российскую премьеру мистерии.

Мысли о «Парсифале» ни на минуту не покидали Реброва. Каждый день он приходил в кафе «Лавена» на площади Святого Марка, заказывал именную столик Рихарда Вагнера и за бокалом вина размышлял о том, как мистерия заставила его пересмотреть собственные взгляды на суть цензорской профессии, которой он посвятил большую часть жизни.

Труд этот был крайне неблагодарный, он требовал постоянного лавирования между талантом творчески одаренных личностей и жесткими указаниями, интересами и личными предпочтениями власть имущих. Большинству людей, видящих лишь внешнюю сторону работы цензоров и презрительно именующих их бюрократами и ретроградами, и в голову не придет, что профессия эта вызывает внутренние мучения от постоянной необходимости подавлять собственное мнение, или еще хуже — убеждать самого себя в его ошибочности. У Реброва, считавшегося одним из самых усердных, толковых и добросовестных цензоров министерства, такие чувства возникали практически ежедневно.

О друге Толстом Ребров вспоминал с отеческой теплотой. Он понимал, насколько тяжело далось Михаилу внешне благопристойное противостояние с Синодом во время цензуры первого российского «Парсифаля». Об этом не было принято говорить вслух, но каждый в министерстве знал об отношении обер-прокурора Саблера к семье Толстого. Николай, старший брат Михаила, был православным священником, но затем перешел в католичество, служил за границей и проповедовал, с благословения Папы Римского, объединение двух церквей. Его бывший покровитель Владимир Карлович Саблер, несмотря на некогда добрые отношения, сделал все от него зависящее, чтобы Николая предали церковному суду, лишили сана, положения, дома, состояния, детей и обрекли на скитания по миру. Не помогла даже протекция отца, обер-гофмейстера Императорского Двора; тому даже пришлось лишиться старшего сына наследства.

Цензор Михаил Толстой не имел никакого отношения к давним делам своего старшего брата, но Ребров видел, как обер-прокурор Саблер особенно тщательно проверял все, исходящее из-под пера Михаила. И он, как мог, помогал своему товарищу, хоть тот и был старше по чину, с составлением бумаг в Синод.

В истории с «Парсифалем» Михаил повел себя достойно и благородно. Вот он — идеальный цензор будущего!

На днях Шереметев должен был исполнить «Парсифаля» для Государя. Ребров переживал. Как все прошло? Почему Толстой не написал ни строчки?

Еще до отъезда в Венецию Ребров слышал, что парижская прима Фелия Литвин на представление не приедет, а партию Кундри исполнит Мария Тобук-Черкасс, постоянный председатель Музыкально-исторического общества графа Шереметева, барышня очень эффектная. Нужно будет расспросить Толстого, получилось ли у нее изобразить неподдельную страсть во втором действии.

Предстоящая постановка Театра музыкальной драмы на сцене петербургской Консерватории была окутана тайной. Режиссер Иосиф Лапицкий держал свои постановочные решения в секрете. Ходили слухи, что он намерен превзойти премьеру графа Шереметева.

Театр объявил открытый конкурс среди художников на оформление постановки. За пульт был приглашен финский дирижер Георг Шнеевойгт, который дополнил оркестр театра собственными оркестрантами из филармонии Гельсингфорса³. Переводчик Виктор Коломийцов, по

³ Шведское название города Хельсинки, использовавшееся в то время в Российской империи.

слухам, присутствовал на всех репетициях и помогал певцам. Лапицкий объявил о четырнадцати представлениях в феврале-марте 1914 года, и петербургская публика с нетерпением дожидалась возможности сравнить спектакли двух театров. Иосиф Михайлович был известен своими эпатажными оперными постановками, и можно было заранее с уверенностью предположить, что его спектакль получится совсем не похожим на шереметевский. Вот только превзойдет ли его в духовном и нравственном плане?

«Скорее бы увидеться с Михаилом! Он, надеюсь, посвятит меня во все подробности этих двух неординарных для Петербурга событий, — подумал Ребров. — Да и мне будет, что рассказать ему! Более чем за месяц в Венеции я посетил все места, связанные с Рихардом Вагнером! Я живу в отеле, где он жил, обедаю в ресторанах, в которых он обедал, прогуливаюсь по улочкам, где он совершал променады. У меня даже, как и у Вагнера, есть свой собственный гондольер! Я был в палаццо, где композитор создал любовный дуэт Тристана и Изольды, и в палаццо, где он умер. Мне посчастливилось почувствовать особую ауру этого города и понять, почему Вагнер так полюбил его. Да, и я купил билет в театр Ла Фениче на 12 апреля. Здесь впервые представляют "Парсифаля" в концертном исполнении на итальянском языке! Именно в этом театре Вагнер последний раз в жизни встал за пульт...»

Размышления Сергея перебил тихий стук в дверь. Горничная принесла письмо. Увидев, что оно от Толстого, Ребров открыл окно, выходящее на Гранд Канал, развалился в мягком кресле, освещенном ласковыми солнечными лучами, распечатал конверт и с нетерпением принялся за чтение.

Тайны высшей чудо!⁴

1914 г. Марта 9. С.-Петербург.

Сергей, дорогой мой друг!

Сердечное спасибо за почтовую карточку из Венеции с видом на Палаццо Вендрамин Калерджи — последнюю обитель Рихарда Вагнера. Пожалуйста, не задерживайся там надолго, чтобы не последовать печальному примеру Маэстро⁵. Прости меня великодушно за эту шутку: так сильно скучаю я по твоему ироничному юмору, что уже начал тебе

⁴ Русский перевод окончания «Парсифаля». В оригинале у Вагнера: Höchsten Heiles Wunder! (Величайшее чудо спасения!)

⁵ Рихард Вагнер, поехавший в 1882 году в Венецию для поправки здоровья, умер в этом городе в феврале 1883 года.

подражать! Мы с Мари искренне рады слышать об улучшении твоего самочувствия и с нетерпением ждем свидания в Северной Венеции.

Как бы мне хотелось, чтобы ты смог запечатлеть столь исключительный момент превращения С.-Петербурга в «вагнеровскую Мекку». Давно прошли те времена, когда о «Парсифале» разве что мы вдвоем беседовали в нашей конторе. Теперь же этой мистерией в буквальном смысле живет вся столица. Без разговоров о «Парсифале» не обходится ни один прием, ни один обед или ужин, даже в любимом тобою «Контане»⁶.

Окунуться в эту жизнь — превеликое удовольствие, несмотря на то, что после твоего отъезда цензорской работы у меня прибавилось, а времени для общения с единомышленниками, наоборот, почти не осталось. Но даже нечастые встречи образованного нами с графом Шереметевым, Виктором Коломийцовым и Софией Александровной Свиридовой «тайного общества» почитателей таланта твоего любимого композитора духовно обогащают меня. Ты не представляешь, как много нового узнал я от них о Вагнере и о его торжественной сценической мистерии. Кстати, мы все вместе собираемся пойти в Мариинский театр на первое в России представление «Нюрнбергских мейстерзингеров» 20 марта, а затем еще на «Зигфрида» и на «Гибель богов». Получится ли у тебя к нам присоединиться?

Я уверен, тебе не терпится услышать про мои впечатления о новых представлениях «Парсифаля» в столице.

После долгих репетиций, часто завершавшихся глубокой ночью, Театр музыкальной драмы поставил мистерию на сцене Консерватории еще 24 февраля, и с тех пор она в афише каждый третий вечер. Я дал слово Шереметеву посетить премьеру вместе с ним, а граф был занят подготовкой своего спектакля для Государя, поэтому увидеть творение Лапицкого мы смогли только позавчера, 7 марта. Ожидание казалось невыносимым, но оно дало мне возможность заранее ознакомиться с первыми газетными рецензиями, очень неоднозначными, и услышать мнение Коломийцова, непосредственного участника подготовки премьеры. Любопытно, что никто даже не попытался сравнить постановку Лапицкого с шереметевской в Народном Доме. Видимо, эту роль судьба уготовила мне.

Я спросил у Шереметева, могу ли я надеяться на возможность стать свидетелем премьеры его «Парсифаля» в присутствии Императора в Эрмитажном театре 3 марта. Но Александр Дмитриевич откровенно

⁶ Изысканный французский ресторан «Контан», располагавшийся на Набережной реки Мойки, 58.

признался, что Двор уже выписал приглашительные билеты на все места в театре, и пообещал позвать на одну из трех генеральных репетиций, которые он объявил открытыми для публики.

За три дня до шереметевской премьеры в контору доставили пакет из Синода с пометкой «срочно». Удивлению моему не было предела, когда, распечатав конверт, я обнаружил в нем два приглашения в Эрмитажный театр — для меня и Мари, присланные лично обер-прокурором Владимиром Карловичем Саблером!

Представь себе радость и волнение, охватившие меня в тот момент! А теперь вообрази, каких сил мне стоило в тот же вечер притворяться серьезным и строгим, вопрошая бедную Мари, отчего же здоровье не позволяет ей высидеть пять часов в Народном Доме или в Консерватории, а в Эрмитажном театре в присутствии Государя очень даже позволяет? Мари принялась пылко убеждать меня, что приглашение от Саблера есть акт примирения с нашей семьей после всех неприятностей, которые он учинил моему старшему брату, и что ради этого она готова пожертвовать даже здоровьем... Я сделал вид, что поверил жене, и тотчас же принялся помогать ей с выбором украшений для предстоящего выхода в свет.

Таким образом, за последнюю неделю я посмотрел «Парсифаля» в двух театрах. Признаюсь, перед каждым спектаклем, особенно в «Музыкальной драме», я сильно волновался за графа Шереметева. Маэстро-любителю, хоть и выступавшему перед самим Императором, режиссер Лапицкий противопоставил Георга Шнеевойгта, потомственного дирижера с большим, несмотря на его молодость, опытом работы в Мюнхене, Гельсингфорсе, Киеве и Риге (да-да, он управлял симфоническим оркестром Риги, как сам Рихард Вагнер в юности!). Я боялся, что приезжая знаменитость затмит собою нашего Александра Дмитриевича. Ан нет — к моему удовольствию Шереметев исполнил вагнеровскую партию ничуть не хуже, чем прославленный финн, а по чистоте и красоте звучания музыки Страстной пятницы даже превзошел его, чем вызвал во мне неподдельное чувство гордости.

Коломийцов рассказывал, что Шнеевойгту пришлось очень нелегко. Между артистами двух соединенных им оркестров — «Музыкальной драмы» и филармонии Гельсингфорса — часто возникали ссоры. Темпераментный финский дирижер всегда вставал на сторону своих музыкантов, грубил и повышал голос на русских, считавших себя не менее талантливыми исполнителями музыки Вагнера, чем финны. «Пошел вон!» — было еще вежливым обращением, и русские музыканты через газеты запросили официальных извинений. В конце концов примирение состоялось, и на премьерных спектаклях оркестр «Музыкальной

драмы» звучал столь же безукоризненно, сколь и давно сложенный оркестр графа Александра Дмитриевича.

А вот что касается постановочных решений в двух театрах — у меня сложилось впечатление, что режиссеры ставили две совершенно разные оперы. И вот почему.

Шереметев сохранил в Эрмитажном театре ту же самую концепцию, что мы с тобой видели в Народном Доме в декабре: самое главное в спектакле — постижение Парсифалем сути Грааля и возрождение Храма Святой Чаши, остальному же было придано вспомогательное значение. Сцены духовного поиска Парсифаля и службы рыцарей Грааля получились у графа самыми эффектными, в том числе за счет новых, ярких, передвигающихся декораций. Особенно понравилась мне сцена трансформации леса в храм. Движущаяся панорама позволила рассмотреть храм снаружи, а затем изнутри. Когда Клингзор пытался поразить Парсифаля копьем, оно остановилось над головой Парсифаля, зависло в воздухе, что выглядело очень впечатляюще. Шереметев говорил мне когда-то, что помогающий ему Хессин неоднократно бывал в Байройте, и максимально приблизил постановку к той, что он видел в вагнеровском фестивальном доме.

Лапицкий в «Музыкальной драме» поступил с точностью до наоборот. Самым эффектным актом у него оказался второй — в преисполненном греха волшебном замке Клингзора. Там каждая деталь завораживала зрителя. Уходящие вверх ступени, все в черном бархате, наверху — окно с подсвеченным витражным стеклом, и рядом — Клингзор в ярко-красном хитоне, с вызывающим ужас гримом на лице. Или же появившиеся затем девы-цветы: у каждой — костюм, подчеркивающий достоинства фигуры, тончайший газ на плечах, на груди, на талии, позволяющий даже из глубины зрительного зала рассмотреть прекрасные очертания. Разрушение волшебного сада Клингзора вообще превратили в то, что за границей называется «шоу»: миманс в серых балахонах отталкивал весь реквизит за кулисы, а затем все валились грудой наземь, изображая камни. И это лишь несколько примеров. Театрально? Да. Захватывающе? Да. Но было во всем этом что-то не то, и я быстро сообразил, что именно.

По контрасту с постановкой Шереметева, все картины, связанные с Храмом Грааля, в «Музыкальной драме» оказались невзрачными, унылыми, совершенно не притягивающими взора. Серый грязный купол, какая-то темная пирамида посреди сцены, столы по бокам, певцы в непонятных блеклых балахонах, бродящие в полумраке. Как писали критики: «Это не то тюрьма, не то казарма, но никак не храм». Я почувствовал отторжение прямо ко всему! А ведь опера-то, прежде всего, про Грааль.

В постановке Лапицкого мы таинства Грааля не увидели! Единственный, кто мог бы обрадоваться такой режиссуре, это обер-прокурор Саблер: в спектакле даже отдаленно не просматривалось ни единого нарушения Цензурного Устава!

Позволь привести тебе отрывок из первой рецензии на это представление в «Обзрении театров»⁷. Я выбрал относительно спокойную формулировку — там еще и не такие присутствуют! «Режиссеры, абсолютно не интересуясь мирозерцанием Вагнера и явно игнорируя его ремарки, превратили всех рыцарей Грааля в каких-то безбородых католических кастратов, приравняв их в этом отношении к Клингзору».

Забегая наперед, скажу, что у меня состоялось любопытнейшее обсуждение по этому поводу с моими вагнеровскими собеседниками. Коломийцов, принимавший участие в каждой репетиции Лапицкого, признался, что режиссер и не стремился походить на вагнеровский канон. Для него самым важным было достижение театральной яркости и красочности в тех частях оперы, которые он сам считал эффектными. Спонсировавшая постановку принцесса Елена Альтенбургская в режиссерские замыслы не вмешивалась, лишь просила не раздражать Синод различными театральными приемами в сценах службы Грааля (Лапицкий об этом и не думал). Ее больше интересовала финансовая сторона вопроса: средств на сумасшедшие идеи Лапицкого могло не хватить, и принцесса возлагала надежды на образовавшийся кружок сочувствующих, обещавший ассигновать необходимую сумму на чрезвычайные расходы и покрыть возможный дефицит.

Судя по тому, что самому Виктору Павловичу, завсегдакаю байройтского фестиваля, понравилась лишь сцена с Клингзором, я заключил: несмотря на свою причастность, он остался недоволен постановкой в «Музыкальной драме». Коломийцев в сердцах охарактеризовал ее словом «претенциозная».

Граф Шереметев высказался очень сдержанно, признав право каждого режиссера на собственную интерпретацию шедевра Вагнера. Но я-то видел реакцию Александра Дмитриевича после окончания спектакля в «Музыкальной драме»: он словно выдохнул и обрадовался тому, что его труппе удалось передать зрителям гораздо больше чистоты и святости обители Грааля, нежели театру Лапицкого!

София Александровна Свиридова задала нам вопрос: а действительно ли в душах всех рыцарей Грааля струился тот яркий свет, что

⁷ «Обзрение театров» — ежедневная газета с программами театров, либретто спектаклей и театральными рецензиями, издававшаяся в Санкт-Петербурге (Петрограде) с 1906 по 1918 год.

мы требуем от режиссера показать на сцене? Из вагнеровского либретто это неочевидно. Даже если принять утвердительный ответ за непреложную истину, рыцари долгое время были лишены созерцания Грааля. Не сделался ли их внутренний мир из-за этого серым, что и показал Лапицкий на сцене? Не будет ли поэтому слишком поверхностным называть постановку «Музыкальной драмы» кощунством и убожеством художественной мысли, что, не стесняясь, позволяют себе многие критики?

Такой поворот заставил меня задуматься, но я парировал мгновенно: «Предположим, Вы правы, София Александровна. Но когда Парсифаль в конце оперы вернул рыцарям Копье Грааля и возобновил службу в Храме, показанная ранее режиссером серость бытия, а может, и сознания, просто обязана была трансформироваться. Это и нужно было продемонстрировать на сцене! Тогда я прочувствовал бы особую атмосферу вагнеровской священной мистерии, которой у Лапицкого мне недоставало. Спектакль же не для режиссера ставится, а для нас, для зрителей!»

А может, подумал я, разным зрителям нужны разные постановки? Уверен, ты помнишь, какая благородная публика собралась на премьеру «Парсифаля» в Народном Доме. В Эрмитажном театре и подавно — Император с дочерьми Ольгой и Татьяной, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, высшие государственные чиновники и зарубежные послы. Эти слушатели наверняка оценили именно высокий духовный смысл вагнеровской мистерии, во многом благодаря религиозной концепции спектакля. А в «Музыкальную драму» пришло, в основном, купечество. Почтенные мужи благородно спали во время длинных монологов Гурнеманца под аккорды непростой музыки, но с удовольствием внимали эпатажной постановке оживленного действия в замке Клингзор.

...Но если рассуждать только о вокальном исполнении, то оба театра были на высоте. Эрмитажный театр порадовал меня новой Кундри — об этом я напишу в подробностях; остальные партии исполняли те же певцы, что и в декабре в Народном Доме. В труппе «Музыкальной драмы» я ранее не знал никого. Привожу их фамилии из программы — может быть, тебе они знакомы: Каншин (Парсифаль), Веселовская (Кундри), Журавленко (Гурнеманц), Мозжухин (Амфорас), Левик (Клингзор).

Все солисты выступили очень достойно (и хоры тоже), кроме, пожалуй, исполнителей партии Гурнеманца: обоим не хватило артистизма и эмоциональности. А вот Государю в Эрмитажном театре Гурнеманц (певец Селиванов), наоборот, понравился больше всех. Николай подарил

каждому артисту бриллиантовую брошь или булавку, но лишь одному Селиванову — золотые часы с государственным гербом!

Меня в этот раз больше всего взволновал образ Кундри. Помнишь, мое мнение о Фелии Литвин в Народном Доме? Прекрасный вокал при полном отсутствии актерской игры: во время соблазнения Парсифаля она стояла на сцене неподвижно, словно застывшая статуя. На этот раз госпожа Литвин у Шереметева выступить не смогла. Поговаривают, что она занята сочинением для Михайловского театра собственной пьесы по мотивам вагнеровского «Тристана». Вместо нее в Эрмитажном театре выступила Мария Тобук-Черкасс. Пусть голос ее не такой мощный, как у Литвин, зато чист и свеж, а блестящий актерский талант позволяет поверить в страдания Кундри, всю жизнь мечтавшей о новой встрече со Спасителем.

Я уже не говорю про сцену соблазнения Парсифаля: молодая, стройная, с распущенными русыми волосами и в эротичном костюме с перьями и цветами на платье, госпожа Тобук-Черкасс выглядела настоящей искусительницей! Мне рассказали, что принцесса Альтенбургская посетила одну из шереметевских генеральных репетиций и была настолько впечатлена созданным артисткой образом, что уже начала с ней переговоры о вступлении в труппу театра Музыкальной драмы, конкурирующего с музыкально-историческим обществом графа.

Справедливости ради стоит отметить, что и в «Музыкальной драме» вокал у Кундри был превосходен. В этой роли выступала Мария Веселовская, жена режиссера Лапицкого, у которой, по словам музыковедов, «прекрасные, сочные низы и яркие верхи», так нужные для исполнения вагнеровских шедевров. Да вот незадача: ее супруг своими «постановочными находками» испортил все впечатление от образа Кундри, представив ее развратной цыганкой, даже когда она раскаивалась в том, что смеялась в лицо распятому Спасителю.

А сцену соблазнения Парсифаля Лапицкий заставил ее играть, стоя на высокой лестнице, при этом артистично жестикулируя более двадцати минут. Госпожа Веселовская в самом разгаре действия зацепилась за лестницу и покатилась вниз, но ни на секунду не прервала пения. Эти ужасные эпизоды убедят тебя, Сергей, что в «Музыкальной драме» почувствовать мистерию Вагнера, конечно, можно, но, в отличие от спектакля Шереметева, лишь с закрытыми глазами. Какой уж тут гезамткунстверк?!

Я сознательно сохраняю интригу до последних строк, ибо знаю, что более всего ты ждешь от меня рассказа о том, каким образом Шереметев изменил для Императора свою постановку «Парсифаля», что мы с

тобой видели в декабре в Народном Доме, после претензий, высказанных обер-прокурором. Расстроишься ты, или обрадуешься, но он ее практически никак не изменил.

Александр Дмитриевич признался мне в своем желании, чтобы Государь увидел все самое ценное в этом спектакле: сцены евхаристии и внешнее подобие Парсифаля Христу. Единственное, что сделал он в угоду Святейшему Синоду, — установил в Храме Грааля скульптуру «Агнец Божий», чтобы устранить любые ассоциации вагнеровского сюжета с православной церковью. В театре мы с Мари сидели рядом с обер-прокурором Саблером и его женой Ольгой Андреевной, и по ходу действия я не заметил на их лицах ни малейшего недовольствия.

Когда спектакль завершился, Николай II поднялся на сцену и прилюдно поблагодарил Шереметева и каждого актера за доставленное удовольствие. После этого мы все переместились в Бальный зал на пышный обед, затянувшийся до двух ночи, во время которого делились мнениями о премьере. Открыла обсуждение вдовствующая Императрица Мария Федоровна, назвавшая постановку прекрасной. Затем Государь признался, что он уже давно хотел услышать это чудное произведение Вагнера, и оно произвело на него дивное впечатление.

А что, ты думаешь, произошло потом? Слово попросил Владимир Карлович Саблер. «Интересно, что скажет он после столь лестных отзывов от императорской семьи?» Я ждал с нетерпением. И тут из его уст донеслось: «Эта постановка, несомненно, сыграла роль в подъеме нравственных и религиозных чувств у всех присутствующих». Помнишь, где мы с тобой впервые прочли эту фразу? В прошении графа Шереметева о разрешении постановки в ноябре прошлого года! Я перевел взгляд на графа и непроизвольно улыбнулся ему. Так что, Сергей, будь покоен: отныне шереметевскому «Парсифалю» ничто не угрожает!

Друг мой, не могу не рассказать тебе и о том, что молва о петербургских «Парсифалях» быстро разносилась по всей империи. Наученные горьким опытом переписки с нашим ведомством без предварительных консультаций, различные театры стали вежливо интересоваться, когда же настанет их час предложить публике свою интерпретацию вагнеровской мистерии. В очередь выстроились Московский градоначальник и московская опера Зимина, Рижский городской театр и Варшавский генерал-губернатор.

Зимин посетил оба спектакля в столице и, поговаривают, серьезно настроился на то, чтобы поставить мистерию в своем театре. Варшава подходит к вопросу очень деликатно, спрашивая, соответствуют ли действительности слухи о повсеместном запрете «Парсифаля», и стоит

ли им продолжать вкладывать в подготовку премьеры в собственном Большом театре значительные средства.

Учитывая, что Лапицкий продолжит свои спектакли до конца марта, а граф Шереметев планирует свои еще и в апреле, мне представляется, что это только начало череды прошений. Например, газеты пишут, что Большой театр в Москве уже вступил в переговоры с художником Константином Коровиным о создании декораций для мистерии в следующем сезоне, а певца Леонида Собинова попросил начать изучать партию Парсифаля. И это они еще с нами не посоветовались!

Вспоминая наши с тобой давние разговоры, я думаю, что Главному управлению по делам печати следует поступить таким образом. Необходимо исправить несправедливость Петербурга по отношению к Вагнеру. Полвека назад наше Отечество не проявило к нему, просившему у нас пристанища, благосклонности. По разным причинам сейчас мы не смогли добиться первенства постановки «Парсифаля» после Байройта. Исправим же эту ситуацию незамедлительно!

Пусть С.-Петербург отныне станет «вагнеровской Меккой», русским Байройтом, единственным городом Российской империи, где будет исполняться тайны высшей чудо. Благо Шереметев готов показать публике «Парсифаля» и в следующем театральном сезоне!

В исключительных случаях самая лучшая петербургская постановка мистерии должна получить право московских гастролей. Сравнивая два последних спектакля, я должен признать, что лучшей является постановка Александра Дмитриевича, так как она более всего соответствует задумке самого Вагнера. Граф уже согласился дать десять спектаклей «Парсифаля» в Москве, и надобно предоставить ему или Большой театр, или театр Зимина.

А всем прочим просителям я намерен отказать. Кроме, пожалуй, Варшавы⁸. Воздадим должное симпатии и сочувствию, что Вагнер проявлял к полякам — и в ранней молодости, и во время гастролей в Петербурге! Что ты думаешь по этому поводу?

Возвращайся скорее, дорогой друг! Я уже представляю себе, как мы вместе пойдем в Эрмитажный театр, затем в Мариинский, а потом, то и гляди, поедем в Байройт!

С дружеским приветом, Михаил Толстой.

⁸ В конце июня 1914 года Драматическая цензура дозволила постановку «Парсифаля» в Большом театре в Варшаве на тех же условиях, что и для петербургских театров. Запланированная варшавская премьера не состоялась из-за начавшейся через месяц Первой мировой войны. С началом войны в Российской империи перестали исполнять музыку немецких композиторов, включая Рихарда Вагнера. Поэтому граф Шереметев отказался от представления «Парсифаля» в новом сезоне в Санкт-Петербурге (Петрограде) и в Москве.

Nachspiel⁹

Четыре года спустя Михаил Алексеевич Толстой прогуливался с сыновьями по парижской улице Saint-Honoré. Эмиграция во Францию после событий 1917 года в России стала для него, лишенного карьеры и дома, оставленного женой, находившегося под угрозой ареста, единственной возможностью обезопасить жизнь своих двух мальчишек. Теперь граф сам занимался воспитанием детей и знакомил их с Парижем.

Сегодня они осваивали окрестности Лувра. На пересечении с улицей Pont Neuf внимание Михаила привлек бюст на одном из домов, и он предложил детям подойти и посмотреть на него.

— Папа, — обратился к нему старший, читая надпись на мраморной доске, — в этом доме родился Мольер!

— Что ты сказал, Александр?

— В этом доме родился Мольер, — повторил за братом Николай.

Оба мальчика с недоумением наблюдали за замершим на месте отцом, вновь и вновь перечитывающим надпись. Михаил пытался вспомнить, откуда ему так хорошо знакома эта фраза. Через несколько секунд его осенило: лето 1913 года, контора на Театральной, библиотека, «Моя жизнь»...

— Давайте еще погуляем, — обратился он к детям, — и я расскажу вам историю. В этом доме не только родился Мольер. Давным-давно здесь жил один человек, композитор. Он приехал в чужую для него страну — молодой, бедный, никого здесь не знавший и никому не нужный... как мы с вами. Жизнь его была полна невзгод, но он верил, что все переменится, и его музыка покорит мир. Этого композитора звали Рихард Вагнер.

— Папа, а он стал знаменитым? — спросил Николай.

— Не сразу, но стал. Теперь его операми восхищаются миллионы людей...

— И ты восхищаешься? — перебил отца Александр.

— И я. В конце жизни Вагнер написал оперу «Парсифаль» — про юношу, который вынес много испытаний, но стал королем рыцарей Грааля. Это самая прекрасная опера, которую я когда-либо слышал.

— Папа, а что такое Грааль? — не унимался Николай.

— Как вам объяснить, — задумался Толстой. — Это такая Святая Чаша, которая придает сил для совершения самых отважных подвигов.

⁹ Постлюдия (нем.).

— Пойдем в театр слушать эту оперу! — в один голос промолвили братья.

— Обязательно пойдем. Совсем скоро мы вернемся в Петербург, теперь уже — Петроград. К этому времени должна закончиться война. Оперы Вагнера снова вернутся на сцену и в России, и во Франции. Я попрошу у графа Шереметева целую ложу в Народном Доме. Мы возьмем с собой Сергея Константиновича — он большой почитатель оперы про Грааль. Только вам придется вести себя как взрослым. Уговор?

И они втроем зашагали дальше по Saint-Honoré, мечтая о возвращении в Петербург и не ведая, что случится этому не суждено. С «Парсифалем» молодые Толстые все же познакомились, но в парижском Grand Opera, уже после смерти отца.

В Петербурге мистерия Вагнера прозвучала вновь лишь спустя семьдесят лет.